

ТРУД. - 1998. - 2000. - 6, 5

Читатели "Труда" одними из первых познакомились с фрагментами из новой книги нобелевского лауреата "Россия в обвале". В газете публиковались и отклики (в том числе — дискуссионные) читателей. И вот книга вышла в свет из издательства "Русский путь" — теперь мы можем познакомиться с ней в полном объеме.

В новой книге Александр Солженицын предлагает такое определение патриотизма: "это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не уголовным, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них". Думается, здесь ключ к пониманию не только "России в обвале", но и других публицистических и художественных произведений писателя, а может быть, и самой его личности.

Само название книги не оставляет иллюзий относительно диагноза, который автор (напомним — принципиальный антикоммунист) ставит — и не в первый раз — стране, государству, обществу.

В НОВОЙ КНИГЕ АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН НЕ ТОЛЬКО СТАВИТ НАШЕМУ ОБЩЕСТВУ ТРЕВОЖНЫЙ ДИАГНОЗ, НО И НАМЕЧАЕТ ПУТИ К ЕГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЮ

На двухстах страницах небольшого формата предстает объемная публицистическая фреска, на которой — сегодняшняя Россия. В начале работы приводятся высказывания и вопросы читателей, которые Солженицын слышал во время своих многочисленных поездок по стране, на которые и пытается ответить.

Впечатляют прежде всего широта охвата материала, обилие и разнообразие проблем — политических, социальных, международных, идеологических, национальных, культурных, нравственных, духовных... О своеобразии подхода к ним, о накале публицистического темперамента читатель "Труда" может судить по двум недавно опубликованным у нас фрагментам — "Судьба земли" и "Трагедия славянства". А последовавшая затем дискуссия в газете вокруг этих текстов дает представление о том, насколько разную реакцию вызывают они у разных людей. Думаю, это относится и к другим идеям Солженицына, и к его работе в целом.

В первом же разделе с характерным названием "Зона власти" автор берет жесткий и резкий тон — время убеждений и уговоров миновало. По возвращении на родину Солженицын попытался было вступить в диалог с властями, но скоро понял его бессмысличество: а Васька слушает, да ест.

Итак, что же думает писатель о власти, о реформах, о нынешнем положении страны? "Можно ли назвать хотя бы одно значительное направление государственной жизни, в котором наша власть 90-х годов не понесла бы жестокого, а то и исторического поражения для России? Но это мало волнует ее (власть. — А.Н.), и даже как бы не замечается ею. Она вся — в себе. Она — упала собою и собою замкнута". "Нам избрали путь — наихудший, извратительный, в самом себе злонестный". "Эта сплата корыстных людей бесконечно равнодушна к судьбе подвластного им народа, и даже к тому, выживут ли он вообще или нет". "Кажется, своим распоясанным поведением и распорядительством эта правящая группа в короткие годы сделала все, чтобы склонить миллионы людей востосковать об утраченном коммунизме".

Тут нетрудно предвидеть готовое, не раз апробированное выражение: а как многочисленные нынешние права и свободы? Свобода слова, например? Нужели автор "Архипелага ГУЛАГ" забыл, что при помянутом им

коммунизме нельзя было сказать и пол слова против режима?.. Но, во-первых, Солженицын не зовет к возврату в коммунизм и не с ним сравнивает наше непрерывное состояние. А во-вторых, не так давно писатель на себе испытал "свободу слова", будучи отлучен от телевидения, — так что цену громко декларированного "свободам" он знает...

Да и не это по большому счету занимает его — ведь "снявши голову, по волосам не плачут". А

коммунист, расчужденности среди нас самих? так горько сказалась недавно на отталкивании наших беженцев из республик. Поражает это беспокойство русских к русским! Редко в каком народе настолько отсутствует национальная сплита и взаимовыручка, как отсутствует у нас". "Если мы сами не готовы к самоорганизации — не на кого нам жаловаться". "Как преодолеть нам всегдаший наш порок — косность, вялость в общественной жизни?" "Мы явили еще новый всемирный рекорд терпения: жить покорнейше и без зарплат".

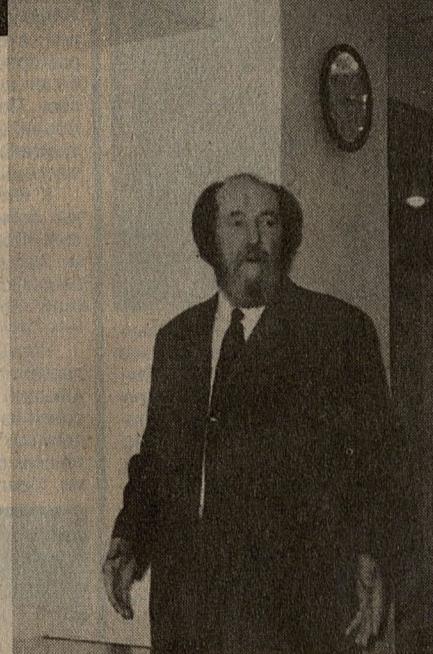
Как показывает автор, эти пороки и недостатки обусловлены множеством причин — природных, исторических, социальных... Смута и раскол XVII столетия, "жестокая ломка с Петром I", кре-

постной нацией". Не приемля "крайнего националистического переклона" ("только наша порода!", "только наша вера!"), Солженицын ратует за "национализм строительный, созидательный. Без которого ни один народ в истории не выстроил своего бытия".

В этом смысле особую тревогу автора вызывает судьба юношества: "Если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, темного сознания, пронизанного жгучими искрами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, — это и будет конец русского народа и русской истории".

"Россия в обвале" — книга трагическая, вобравшая боль и стыд нашего непрерывного состояния. Книга, написанная кровью сердца — на пределе человеческих

НЕУГОДНОСТЬ СЛУЖЕНИЯ

возможностей. Не потому ли Солженицын говорит, что это его последняя работа "на все эти темы".

По силе эмоционального воздействия, накалу обличительной страсти книга (как к ней ни относись, как ни спорь по тем или иным поводам с автором) вызывает аналогию с публицистикой Толстого, Достоевского, Чехова, текстами протопопа Аввакума и библейских пророков. Но слово это — и пробуждающее, напоминающее об утраченных наших духовных и нравственных ориентирах, взывающее к нашей силе, стойкости и достоинству: "Но не будем смиряться с упокойными песнями, что де, значит, миновал период нашей "пассионарности" и от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то Чудо и "само собой" нас спасет. Все мы — и есть Россия. Мы ее такую сделали, нам ее — и вытягивать. Чтобы XXI век не стал последним столетием для русских — мы должны найти в себе силы и умение сопротивляться распаду уже сейчас, и чем напорней разрушают нашу жизнь — тем напорней бы и сопротивляться".

В публицистике Солженицына всегда была сильна, так сказать, практическая составляющая. Большие надежды связывают писатель с местным самоуправлением, которое "в дальнейшем может стать основанием для постепенного построения земской вертикали". Не первый раз говорит он об этом — говорит убежденно, ссылаясь на наши традиции и западноевропейский опыт. Да только вов и ныне там. Всистину "народ сей жестокован". Не забудем, однако, названия книги, где эти слова написаны, — оно способно внушить нам сегодня надежду. Книга называется "Исход"...

Каков будет наш исход из нынешнего "обвального" состояния? "Наше спасение — только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх". Неотступно держаться за главное: "Мой дух, моя семья да мой труд — добровольственный, неусыпный, без оглядки на захлебчивую жадность воровскую, — а как иначе вытягивать?" На первое место писатель ставит дух, который вопреки материалистическому учению первичен для человека и "способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны". Нет сомнения, что новая книга Солженицына — пример такого мощного духовного усилия, выраженного в слове. Пример, столь необходимый сегодня.

Александр НЕВЕРОВ.
Фото автора.

Солженицын
Александр

04.07.98